

ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР П.К. ФРОЛОВ — СОБИРАТЕЛЬ РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

* Алексеев М.П.
Из истории
русских
рукописных
собраний. –
В кн.: Неизданные
письма
иностраных
писателей XVIII-
XIX вв.
Из ленинградских
рукописных
собраний. М.–Л.,
1960.

** Савельев Н.Я.
Петр Козмич
Фролов.
Новосибирск,
1951;
В.С. Виригинский.
Замечательные
русские
изобретатели
Фроловы. М., 1952.

Лицевая часть
переплета
«Действующего
гравника
и лечебника».
1720 г.

«Живой и разнообразно проявивший себя интерес к историческому прошлому составляет весьма существенную черту – общеевропейской умственной жизни первых десятилетий XIX в. В русском обществе он сказался с неменьшей силой, чем на Западе... Любопытство к книгам документально-исторического содержания и к историческим памятникам разного рода становилось тогда всеобщим и глубоко укоренилось в самом быту... В этот стихийно развившийся процесс вовлекались не только представители... русского дворянства, но и разночинной интеллигенции» – писал академик М. П. Алексеев*. Однако среди перечисленных им имен собирателей рукописной старины отсутствует имя одного из первых представителей русской разночинной интеллигенции – Петра Козьмича Фролова.

Жизнь и деятельность П.К. Фролова (1775-1839) – талантливого инженера-изобретателя и энергичного организатора русской горной промышленности в наши дни привлекала достаточное внимание историков русской техники. В начале 1950-х годов одна за другой в Новосибирске и Москве вышли две книги о нем**, через 16 лет появилась третья. И во всех говорится о его культурно-просветительной деятельности – о создании им в Барнауле библи-

отеки и музея, об организации того, что в наше время называется художественной самодеятельностью. Кратко сообщается и о его собирательстве.

«Еще в 1817-1818 гг. Фролов начал собирать коллекцию древностей археологических находок, старинных рукописей и книг». При этом автор ссылается на свидетельство дерптского профессора К. Ф. Ледебура, посетившего барнаульский музей в 1826 г. Однако последний пишет лишь о восточных – монгольских, тибетских и персидских рукописях, а также о коранах. Кроме того – и это главное – в эти годы П.К. Фролов не «начал», а закончил определенный период собирания, продав для Публичной библиотеки более двухсот «старинных рукописных книг и свитков на многих Европейских и Восточных языках», а также «214 названий печатных книг как Русских и Словенских, так и на иностранных языках, 4 старинных географических атласа и 7 таких же карт и планов, касающихся до России»; наконец, 135 памятников искусства разных Азиатских народов и других достойных примечания вещей».

Коллекция Фролова была вторым – после знаменитой коллекции П.П. Дубровского собранием рукописных материалов, поступивших в Публичную библиотеку в первое десятилетие ее

**Петр Козьмич
Фролов**

существования. Но если в коллекции Дубровского преобладали зарубежные, преимущественно западно-европейские материалы, то в собрании Фролова – русские. И так же, как в коллекции Дубровского, в собрании Фролова были не только «старинные рукописные свитки и книги», но и листовой архивный материал. В числе «25-ти свитков граммат и прочих любопытных писмен» в цитированном источнике отмечен «Портфель с 22-мя разными письмами или подписями знаменитейших особ».

По количественным показателям собрания Дубровского и Фро-

лова трудно сопоставимы: у первого было более 600 рукописных книг и свыше 14 тысяч единиц хранения архивных материалов; у второго всего около двухсот и тех и других. Однако по своему составу эти коллекции можно сравнить, и обе они послужили созданию главного отличительного качества Отдела рукописей Публичной библиотеки – универсальности содержания его фондов.

Оставляя для специального обзора восточные и западноевропейские рукописи собрания П. К. Фролова, рассмотрим его русскую часть.

Библиотека П.К. Фролова, войдя в состав Императорской Публичной библиотеки в 1817 г., в настоящее время единой книжной коллекции не представляет, т.к. рассеяна по разным отделам Российской Национальной Библиотеки.

В цитированном выше отчете Императорской публичной библиотеки за 1813 г. даны сведения о семи пергаментных рукописных книгах собрания Фролова (из них одна греческая), девяти русских книгах XV в. и о четырнадцати – последующих столетий до XVIII включительно. При записи в 1840-х годах в инвентарный каталог Отдела рукописей они попали почти во все 17 его тематических разделов. Больше всего наидревнейших русских книг, в том числе 15 пергаментных, было записано в первый раздел. И среди них книги не только богослужебные, но и четьи; в «числе последних два экземпляра «Пчелы» – сборника, в котором изречения отцов церкви перемешаны с сентенциями античных авторов. Что же касается книг богослужебных, то многие из них являются ценнейшими памятниками русского искусства – изобразительного и музыкального. Их орнаментированные заставки и инициалы, а также миниатюры давно уже привлекают внимание искусствоведов, а на одну редкостную «крюковую» рукопись XVII в. недавно обратили внимание и музыковеды. Для истории русской книги собрание Фролова служит в первую очередь экземплярами с выходными записями, содержащими сведения о заказчиках и мастерах книги, об окружавшем их быте, о купле-продаже и миграции книги, о книгообмене.

В остальные разделы «Оленинской системы» попали немногочисленные и позднейшие русские рукописные книги собрания П. К. Фролова. Так, например, во втором разделе – «Правоведение» оказалось: две «Кормчих», XVI и XVII вв., список XVI в. «Стоглава» и список XVII в. «Уложения 1649 года». Здесь же – два переводных па-

мятника: сочинения испанского политического деятеля и писателя XVII в. Диего Сааведры с дарственной надписью-автографом Феофана Прокоповича Петру I и сочинения известного филолога XVI – XVII в. Юстуса Липсия. Книга последнего, содержащая тексты из Тацита, была переведена в 1721 г. «флотским иеромонахом» Симоном Кохановским, если не с ведома Петра, то по «благословению» того же Феофана, в доме которого жил переводчик. Но менее чем через 20 лет она стала одиозной и фигурировала в числе обвинений в деле Артемия Волынского: в описании походов Мессалины был усмотрен намек на императрицу Анну Иоанновну.

В следующий раздел попали два черновых автографа писателя и переводчика конца XVIII – начала XIX в. А.А. Нартова – основателя Вольно-экономического общества и президента Российской академии.

22 русские рукописные книги самого разнообразного содержания были записаны в отделение истории. Среди них – Новгородская летопись в списке XVI в., три «Хронографа» XVI и XVII вв., памятники переводной историографии; начиная с древнейших – византийских хроник. Среди последних – хроника XII в. Константина Манасии в переводе Антиоха Кантемира. Из памятников собственно XVIII в. здесь следует отметить «Гисторическое и географическое описание» Сибири Ф.-И. Страленберга – человека интересной судьбы. Офицер шведской армии, взятый в плен под Полтавой, он был сослан в Сибирь, где составил подробную ее карту, заинтересовавшую Петра I. Книгу Страленберга, вышедшую в Любеке в 1730 г., перевели – как это значит на титульном

листе экземпляра собрания Фролова – в 1738 г. в Самаре для В. Н. Татищева.

Из документальных материалов XVIII в. собрания П. К. Фролова можно назвать два, относящихся к началу и концу этого столетия. Массивный, в 546 листов, фолиант «Книги записных всяких дел и случайных ведомостей» содержит копии дипломатической переписки посольства А. А. Матвеева в 1709–11 гг. с Гаагой; рукопись «О начале яицких беспокойств и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 г.» – о начале крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Эти и многие другие материалы по истории нашей страны XVIII в. привлекают постоянное внимание советских историков, равно как и материалы по истории медицины, математики, артиллерии, кораблестроения и навигации.

Не менее ценные материалы были собраны П. К. Фроловым и по истории русской филологии. Это – древнерусские словари «Алфавиты» и «Риторика», литературные сборники, преимущественно также XVIII в., отражающие репертуар рукописной книжности и читательские интересы своего времени. В этих сборниках находятся тексты многих памятников древнерусской литературы, как оригинальных, так и переводных, а также памятники рукописной книжности и сочинения писателей XVIII в.

После всего сказанного о богатстве и разнообразии репертуара русских рукописных книг собрания П. К. Фролова, естественно возникает вопрос: как он мог составить такое великолепное собрание. Для ответа обратимся к биографии П. К. Фролова.

Он был сыном талантливого изобретателя-самоучки Козьмы

Дмитриевича Фролова, прошедшего путь от «горного ученика» золотых промыслов до офицерского чина шихтмейстера. Екатерина II считала его «отличными талантами подобным Ползунову». Получив сам только начальное образование, К. Д. Фролов трех своих сыновей послал учиться в Петербург, в Горный кадетский корпус, который П. К. Фролов окончил в 1793. Свою службу он начал также в чине шихтмейстера на казенных Алтайских заводах, где также прославился как изобретатель и умелый руководитель предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности; он построил, например, первый в России рельсовый путь для доставки руды с шахты на завод. По делам службы П. К. Фролов часто ездил в Петербург, а в 1811 г. обосновался в нем: его перевели на службу в Департамент горных и соляных дел. Отсюда он также совершал поездки с различными ответственными поручениями – на Волгу и Каму, в Старую Руссу. В 1817 г. он был назначен начальником Колывано-Воскресенских казенных заводов, через пять лет становится Томским гражданским губернатором. Еще через пять лет он возвращается в Петербург – на сей раз окончательно; он получает чин тайного советника и назначается в Сенат. В Петербурге он и умер в 1839 г.

Судя по собственноручным владельческим пометам П. К. Фролова, датированным 1804–1817 гг., он начал собирать старинные книги еще в первый «сибирский» период своей деятельности, а продолжил в Петербурге. Уезжая в 1817 г. вновь в Сибирь, он продал свое собрание в Публичную библиотеку, но не прекратил собирательство: в письме от 19 июня 1819 г. он сообщает А. Н. Оленину,

что его собрание восточных рукописей «день ото дня умножается».

Таким образом намечаются три периода собирательской деятельности П. К. Фролова: два «сибирских» и один «петербургский». Специальное исследование, с привлечением новых источников, должно добавить к ним и четвертый, второй «петербургский», т. к. невозможно предположить, что занимаясь собиранием смолоду, будучи еще сравнительно мало обеспеченным человеком, он мог прекратить это занятие в конце жизни, став уже полностью материально обеспеченным. Все эти периоды связаны с этапами и возможностями его служебной карьеры.

Собирательскую деятельность П. К. Фролова можно сравнить с такой же деятельностью П. П. Дубровского. И тот и другой имели возможности собирания книжных древностей и архивных материалов в своих служебных поездках: первый – по Западной Европе, второй – по России. И оба они были не только собирателями, но и авторитетными в свое время знатоками книжной старины. В подтверждение этого в отношении П. К. Фролова сошлюсь на его переписку с А. Н. Лениным.

Препровождая в Публичную библиотеку три рукописные и одну старопечатную русские книги, он пишет, что одну из первых – «Милятино евангелие» XIII в. он сверял с Остромировым. В свою очередь Ленин, в письме к Н. П. Румянцеву того же, 1813 года пишет, что прочел одно неразборчивое место в древнерусской грамоте «с помощью двух истинных любителей русских древностей гг. Ермолаева и Фролова». В данном случае имя П. К. Фролова оказалось рядом с основоположником русской палеографии, учившим чи-

тать древнерусские рукописи не только Оленина, но и самого Н. М. Карамзина. Нетрудно предположить и близкое знакомство П. К. Фролова с А. И. Ермолаевым: только этим можно объяснить, почему Фролов мог столь подробно познакомиться с Остромировым евангелием уже на первой стадии его изучения, еще до работы над ним основоположника и классика русского языкознания А. Х. Востокова – ученика и преемника Ермолаева на посту хранителя Отдела рукописей Публичной библиотеки. Ермолаев же в свою очередь был на том же посту преемником Дубровского.

Приведенные в изложенном сообщении факты до сих пор мало исследованной стороны биографии П. К. Фролова следует рассматривать на фоне широкого общественного интереса к памятникам отечественной старины, который проявился в первую четверть прошлого столетия в Петербурге. И имя П. К. Фролова, донныне известного советскому читателю лишь в качестве талантливого инженера и организатора русской горной промышленности, должно быть поставлено в один ряд с А. И. Мусин-Пушкиным, Н. П. Румянцевым, А. Н. Лениным, А. И. Ермолаевым и А. Х. Востоковым. Всех их представителей петербургской интеллигенции той поры, выходцев из высших и «низших» слоев общества объединяла и вдохновляла не страсть к коллекционированию, а патриотическое стремление сохранить для потомков памятники русской старины. Поэтому все они были не только собирателями, но и исследователями зачинателями изучения истории русской книги, плоды деятельности которых успешно продолжают теперь советские книговеды.

Рукописная книга
«ДЕЙСТВУЮЩИЙ ТРАВНИК
И ЛЕЧЕБНИК»
Рубеж XIII-XIX вв.

Памятник
русского искусства
из сокровищ
Алтайского государственного
краеведческого
музея

Из рукописного собрания книг Алтайского краеведческого музея эта, пожалуй, самая загадочная. Время ее попадания в коллекцию музея не отразилось в фондовых записях. Специалисты редкого фонда Новосибирской ГПНБ относят ее к порубежью восемнадцатого и девятнадцатого веков.

